

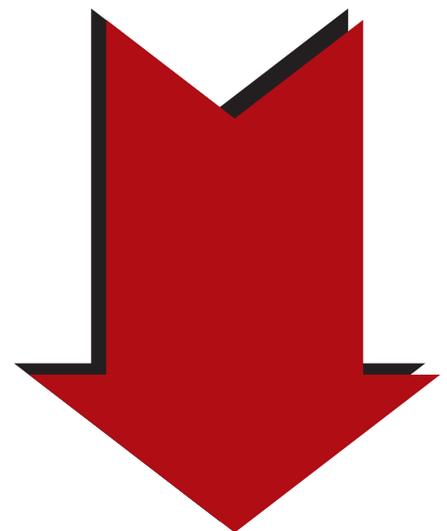
ИЗГНАНИЕ ТОРГОВЦЕВ ИЗ ХРАМА.

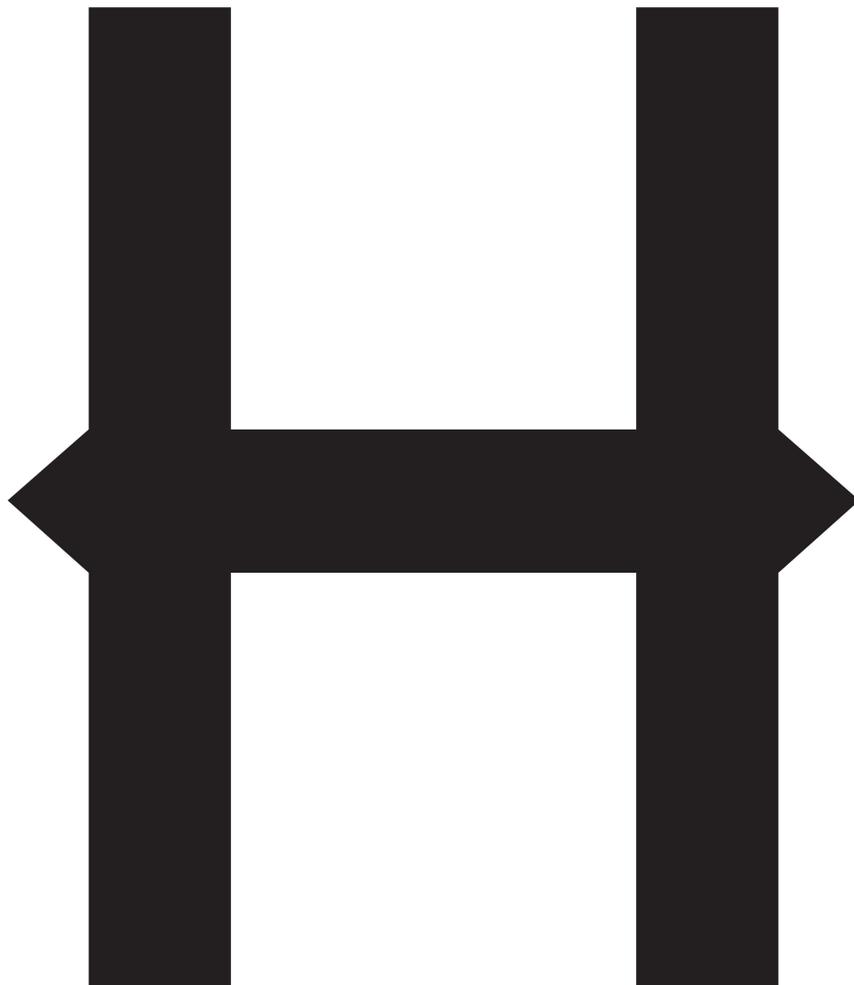
Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России,
директор ИНИР им. С.Ю. Витте,
д. э. н., профессор

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ — ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА ЦИВИЛИЗАЦИИ

НЕКОТОРЫЕ ТЕЗИСЫ

«Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». Известное присловье из житейской мудрости. На самом деле — где легче, проще добыть желаемое («лучше» — с точки зрения количества прилагаемых для получения желаемого усилий). Естественно, в рамках «окна текущих возможностей». Природа вообще всегда идет по самому простому, минимально «затратному» пути (в рамках ее «окна возможностей» — природных законов и возникающих преград). Выживает то, что менее «затратно». И не использует «лишнего». Древний человек — существо исходно природное — добывал еду, чтобы съесть, а не накопить. И шкуру, чтобы укрыться от ветра. А не две. Столько, сколько надо. По потребности. И эти потребности не простирались далее горизонта «здесь и сейчас». Потом сообразил, что на разные коллизийные случаи должен быть запас. Стала быть осознанной им эта новая потребность. И стал он добывать несколько больше, чем требовалось на текущий момент. Потом он понял, что какие-то продукты он может получить в излишке (что-то у него проще, лучше/быстрее получается, чем у дру-

гих, к примеру), зато каких-то ему не хватает, но — они есть у соседа. И возникла мена, меновая торговля. Простая поначалу — менялась, условно, одна рыба на одну шкуру (предполагаем, что их «ценность» в тот момент была эквивалентной). Потом некто гениальный изобрел возможность что-то обменять неэквивалентно — и, о чудо, получить не одну шкуру за одну рыбу, а две! За те же усилия по добыче одной рыбы! Вот тут ему масть и поперла! Появилась «незаработанная» «прибыль». С развитием меновой торговли появился (был изобретен) денежный эквивалент стоимости продукта/товара. Вкупе с возможностью неэквивалентного обмена возникла и возможность аккумулировать прибыль в денежных единицах. Но — торговля развивалась. У разных народов/племен/родов появлялись разные денежные единицы. Устанавливался в процессе торга «валютный» обмен и «валютный курс». И самым простым способом аккумулировать прибыль стал — добывать ее в процессе мены «валют». А «вложение» аккумулированной «валютной прибыли» в «валютный обмен» — получение уже «денег из денег» (что существенно проще с точки зрения количества усилий по добыче/производству и его последующей реализации) — еще выгоднее. К этому стоит добавить изобретение связанного с этим процессом займа под «процент», аккумулирование «прибыли будущего» (здесь нетрудно разглядеть оплату — первоначально — трудового времени, которое надо бы потратить на добычу/производство эквивалента «занимаемого», а затем — уже и «сверхэквивалента»!). Получило развитие, в силу большей простоты аккумулирования прибыли (по сравнению с «производством» здесь меньше «транзакций»), ростовщичество. Как финансовый институт. Проникающий во всё жизнеустройство. И несправедливый по своей сути. И строящий общество на несправедливой основе. И подчиняющий себе прочие институты общества. И имеющий большие шансы развития и пене-трации, чем производство. «Изгнание торговцев из храма» Христом — не о торговле, а о ростовщичестве. В Древней Иудее оно не просто получило предельно оформленное развитие, но и через религиозно-государственное управление внедрено было в быт едва ли не как «указание сверху»! В Храме нельзя было жертвовать «неподходящее» животное (а жерт-

ва была обязательной по религии!), если оно не было одобрено «специальными людьми», которым иерархами Храма предоставлено было такое право. А не одобрено — купи «проверенное», здесь как раз есть — бери. Вот прямо в Храме. И плати. Втридорога. С прибылью — известно для кого. А уж введение специальной храмовой «валюты» (только ее можно было жертвовать, а денежная жертва (если не сикль (ныне — шекель), то хоть лепта) тоже была обязательной, даже введены были специальные «тарифы» — от кого и сколько...) — это уже вообще гениальное изобретение древних иудейских финансистов! Древний иудей, идя в Храм (что тоже было, конечно, обязательным!), был обязан менять ходившие «бытовые» деньги на храмовые. А «курс» устанавливали менялы (их «офисы», меняльные конторы, были тут же, в Храме), которые и ссудить могли тут же — под «процент». Ростовщичество как явление, пронижающее в государственно-религиозный институт управления обществом и будучи им поддержанным, стало подменять собой истинное содержание и смысл религиозных установлений. Оно издревле рассматривалось как непроизводительный (и потому — несправедливый!) вид деятельности. Ведущий к тому кризису, о котором ниже. Потому и восстал Христос — возможно, первым явственно осознал губительность этого явления для цивилизации... В Европе ростовщичество распространилось в Средние века, с купцами, использующими разрастающийся финансовый институт, и с рассеиванием иудейских общин с их традиционным видом финансовой деятельности, и полностью изменило лицо европейской культуры и общественного уклада. Именно этот финансовый институт дал возможность старта капитализму как новому общественному строю. Однако на начальных этапах извлечение прибыли шло преимущественно через производство продукта и его обмен, «инвестиции» должны были (вынуждены были) пройти сложный путь производства/обмена. Финансовый капитал был необходимым подспорьем в этом процессе. При этом, еще раз подчеркнем, преимущественную роль играл производительный, промышленный капитал. Почему? Потому что первичной была потребность растущего общества (острая!) в продуктах, товарах — надо было «одеться и накормиться», что и дал возмож-

ность сделать возникший на базе этой потребности изобретенный человечеством индустриальный способ производства. Породивший капиталистическое — по Марксу — (и индустриальное!) общество.

Однако с развитием капиталистических отношений роль финансового капитала росла. Финансовые транзакции — самый простой и быстрый способ извлечения/аккумуляции прибыли. Стремительный рост промышленного производства формировал потребность общества в развитии финансовых технологий. Появились кредитные организации и соответствующий инструментарий. При этом развитие финансирования как института, финансовых инструментов и технологий, в силу более быстрой оборачиваемости «объекта», осуществлялось более быстрыми темпами, чем развитие производства, требовавшего больше затрат и операций для извлечения прибыли. При этом для своего существования монетизированный эквивалент не мог обойтись без «реального сектора» — в конце концов, люди не едят же деньги и не одеваются в купюры... Происходил удивительный процесс. Финансы, будучи первоначально встроенными в процесс производства продукта, постепенно превратились в силу своей природы в равноценный, а затем — в превалирующий элемент производства, уже, в свою очередь, встроив — и то только в необходимых случаях! — производство в процесс извлечения прибыли. Почему? В силу двух вещей. Одна из них — указанная выше более простая/быстрая/эффективная форма аккумуляции прибыли. А вторая — сама эта прибыль как результат финансовой деятельности. Капиталист — не что иное как «добыватель»/производитель в конечном счете не сапог или огурцов, а прибыли — в виде сапог, огурцов, неважно чего, и (проще всего!) в денежной форме (а тут как раз и банки/фининструменты все более развитые под рукой!). «Накопил — и машину купил» — это лишь часть (советская!) формулы капитализма, начиная со второй половины XIX века. Новая формула — «Д-Т-Д» (неважно, просто Д или Д', главное — уже не деньги как посредник между товарами, а наоборот!)! Отсюда — тренд выдавливания производительного капитала (более сложно устроенного и «добываемого») финансовым. Подчинившим себе на современном этапе «производственный»

капитал. Но и промышленник-капиталист всегда ищет, «где глубже». В поиске добывания максимума прибыли он минимизирует издержки; он будет, однажды научившись (освоив в производстве), делать некий продукт (понеся на первом этапе внедренческие затраты) без изменений (без допзатрат, «снимая сливки» (о гурӯ-маркетолог Котлер!)) до тех пор, пока будет достигнут предел рынка данного изделия (насыщение/удовлетворение потребности), а потом только — станет делать усовершенствование продукта либо новый продукт, то есть «расширяя» рынок для себя. Почему он вынужден делать инновации? Потому что иначе не расширить рынок и не получить прибыли. [Кстати, отсюда следует несостоятельность постиндустриалистского «отказа от производства» и подтверждение нашего тезиса о сохранении его (в качественно новом виде) в качестве основы нового индустриального общества второго поколения.]

Этот тренд особенно интенсифицируется начиная с конца XIX века, что отразили в своих работах Гильфердинг, Ульянов и др.; в настоящее время доминирование финансового капитала над капиталом реального сектора получило название финансовализации. Причины и содержание этого процесса, однако, как правило, не раскрываются, дается лишь его количественная характеристика. Однако следует понимать, что, поскольку аккумуляция прибыли осуществляется в денежной (наиболее, в силу простоты транзакции, ликвидной) форме, обеспечивающей повышение эффективности инвестиций (перелив капитала, обмен и т. п.), — при достижении пределов насыщения рынка (удовлетворения реальных потребностей), но при неизменном сохранении «желания» капиталиста получать прибыль происходит изменение характера/типа удовлетворения потребностей и вида рынка. Вместо рынка покупателя/потребителя (формирующего преимущественно реальные потребности) формируется и все более растет рынок «продавца», который в целях создания для себя новых рынков начинает влиять все более активно на предпочтения потребителя (в том числе — стимулируя формирование и расширение потребностей симулятивных!). Меняется характер отношений потребитель — рынок — производитель. Меняется даже зримо — к примеру, тип оповещения потребителя о товаре (с информационного — «где-что-почем» — до внедрения мысли, что без этого вввау-товара (чаще всего — как раз симулятивного) потребитель едва ли не помрет!). Именно так стимулируется возникновение и развитие другого типа

потребностей — уже все более симулятивных, что привело ныне (и не могло не привести!) к их превалированию в современном «ВВП».

Особо отметим, что причины доминирования финансового капитала обусловлены не только его собственной природой (в частности, описанными выше особенностями, предельно высокой реадiness-способностью и др.), но и развитием, как ни покажется странным (но, конечно, только на первый взгляд), производственного сектора — в частности, созданием качественно новых технологий (и их активным применением в финансовой сфере как отклик на ее собственные потребности) и иными трансформационными процессами, вытекающими из прогресса технологий, с одной стороны, и этим прогрессом обусловленные, с другой (каковые финансы-капитал, как наиболее «простонарыливый», активно использует — и с лучшим для себя результатом!).

Заметим, что в древнем обществе не было активного инновационного процесса. Тысячелетиями повторялось одно и то же — пока не была изобретена прибыль. Инновации — ответ на требование удовлетворения все более возрастающих потребностей, удовлетворение которых, как я писал уже не раз, через феномен осознания создается новые, все более расширяющиеся потребности. Описанный выше механизм формирования финансового института для получения прибыли активно содействовал развитию института инновации, придавая ему постоянное ускорение. Как отклик на расширение «потребности» в прибыли! Вспомним «ускорение НТП»! Откуда оно взялось? С чего это вдруг НТП возник, да еще и «заускорялся»? Вот именно «с этого»! При этом развитие инноваций, ускорение их внедрения создает предпосылки для «поддержки» ими других процессов — в частности, через инвестиции (в погоне за прибылью) — в сам инновационный процесс, создавая описанный нами ранее эффект «ускорения ускорения» НТП и время от времени переворачивая общество, формируя периодически новые технологические уклады. Сейчас современные технологии стремительно формируют новый техуклад, и в это дело «ускорение ускорения» инноваций дает основной вклад. Именно поэтому данный процесс является одной из базовых отличительных черт НИО.2.

Что несет нам растущая финансовализация экономики, да и всего нашего житейского уклада? Как писал Ломоносов, ежели где-то что-то прибавится, то где-то что-то отыметя. Финансовый капитал, да и капитализм по своей сути в целом, требует

постоянного получения дохода. То есть получения чего-то из чего-то. Тут — два пути. Симулятивный — из «воздуха» (как бы): дериваты и пр. бррр. Конец любой такой оторванной от реального продукта истории ясен и печален. И кстати, не так давно опробован. Второй путь — расширение производства (экстенсивно либо интенсивно — в количестве и/или в качественном отношении). То есть — создание продукта не из ничего. А из чего? Где «отымаем»? У матушки-природы, ресурсами называется. И, учитывая а) характер/тип существующих общественных отношений (да, да, фактически везде — кап-кап-капиталистических...), а также б) тип становящихся превалирующими потребностей (симулятивных), мы (человечество!, звучит гордо, йес! — гордо ли?) перелопачиваем природный ресурс не просто на удовлетворение реальных потребностей общества, но — все больше — на дерьмо, сорри!.. При экономии на утилизации, рециклинге и т. п. То есть растущая финансиализация, отражая сложившиеся к настоящему времени общественно-экономические реалии, способствует — в силу опять же своей природы — ускоренному движению цивилизации к всемирному кризису, по сравнению с которым «общий кризис капитализма» покажется философской игрушкой. Именно поэтому ВОЗНИКЛА настоящая, уже жизненно важная и непреходящая потребность в «ограничении капитализма», рационализации потребностей общества и способов их удовлетворения, переходе (при сохранении и развитии индустриального способа производства для удовлетворения реальных потребностей людей и отказе от наращивания потребностей симулятивных (соответственно, от категории прибыли, в качестве современного механизма «добычи» которой и используется финансиализация!)) к НИО.2 и последующему ноообщественному устройству (где не будет потребления «лишнего», и — вот-вот! — прибыли (как потребности, симулятивно возросшей из возникшей в древности и преодолимой (за счет техпрогресса) на нооэтапе потребности человека иметь обозримый запасец на всякий случай!..)).

Важное примечание. Доминирование финансового капитала в России после развала СССР — основная, глубинная причина состоявшейся деиндустриализации. Отсюда — требование ограничения финансового капитала как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Это — к тому, ЧТО должно быть главным в нашей промышленной (!) политике, если мы хотим добиться перелома в технологической модернизации нашего хозяйства и эко-

номического лидерства в будущем.

Еще один важный аспект. Не следует понимать призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него немедленный. Финансовый капитал сегодня — не только создатель фиктивных благ и фиктивных потребностей, но и акселератор создания и других, реальных (что называется, поневоле, вынужденно — не может он существовать без производства!), во всех остальных сферах экономики. Поэтому правильнее понимать на данном этапе это ограничение как «переформатирование» механизмов его использования (от превалирования к «сервисной» роли) в целях возврата его к исходной функции — поддержке развивающегося новоиндустриального сектора и акселератора тем самым нашего включения в четвертую индустриальную революцию.

Наконец, еще один важный аспект проблемы. Финансовый капитал, его непрерывный рост как концентрированное выражение «потребности» капитализма (в Марксовом понимании) в непрерывной «добыче» прибыли, требует, как показано выше, непрерывного расширения рынка, создания потребности получать и сбывать продукт снова и снова. Но расширение экстенсивное ограничено, а интенсивное — не слишком выгодно. Тогда возникает соблазн расширить рынок не за счет освоения новых пространств или новых изделий, а путем «утилизации», уничтожения созданного/накопленного. Особенно если это «выгоднее», чем «расширение рынка» указанными выше способами. Чувствуете? Вот — дыхание грозы! Выгоднее уничтожить — капиталист уничтожит. Отсюда — война как зачистка пространства для новых рыночных экспансий (стоит вспомнить: война как самый жесткий тип разрешения политических противоречий, а политика — как концентрированный интерес экономики... А экономика — как общественный механизм удовлетворения потребностей... Чьих — при капитализме, в числе основных? Капиталиста. В чем? В прибыли...). И еще — чем мощнее сила финансового капитала, тем прощше его реципиентам представляется такой выход. В настоящий момент — ситуация становится критической: либо — победа финкапитала и «расчистка» (в той или иной, в том числе — военной, форме), либо (через техпрогресс и «параллельное» осознание необходимости упомянутого ограничения (нооэлементы — наука, культура...)) будут найдены способы его ограничить и сформировать НИО.2.